

11.

«Ты поблѣднѣла, Клара?»—«Я больна...»
И въ комнату свою спѣшить она;
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ вдали, забытъ и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесень.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ встревожившійся умъ!
О, если-бъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ..
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы-ль?.. Но гдѣ и какъ узнать?..
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ
Покуда все, что небомъ ей дано, [ней,
Не превратить въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ
Отъ сердца гонить память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу,
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?!
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Если-бъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторень..
Но, вотъ, опять!.. Такъ точно... Кто-жъ поетъ?..
Ты, пѣлница, узнала: вѣрно, тотъ,
Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ..
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ,
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней.

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той.
Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,

Еъ родимой пѣснѣ пѣлница нашла.
И въ этомъ наслажденіи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй..
Она схватила лютню, и струна
Звенитъ, звенить... и вдругъ, пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ. Она мгновенна лишь была,
И въ чей груди родилась—умерла.
И понять, кто внималъ,—не мудрено:
Понятъ о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ
Тяжелый кинуть на землю затворъ, [сномъ!
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Обѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
Съ бездѣйствіемъ отчаянья, вокругъ
Убитого, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ..
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ песокъ затоптанъ маленькой ногой?..
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ..
Понятно все: ихъ нѣтъ... и Клара нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть.
Но, наконецъ, рѣшились: онъ внималъ.
Хотѣлъ вскопить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ, какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И рѣчь отъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понималъ ничего;
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужъ было мертво,—хоть въ груди живой.